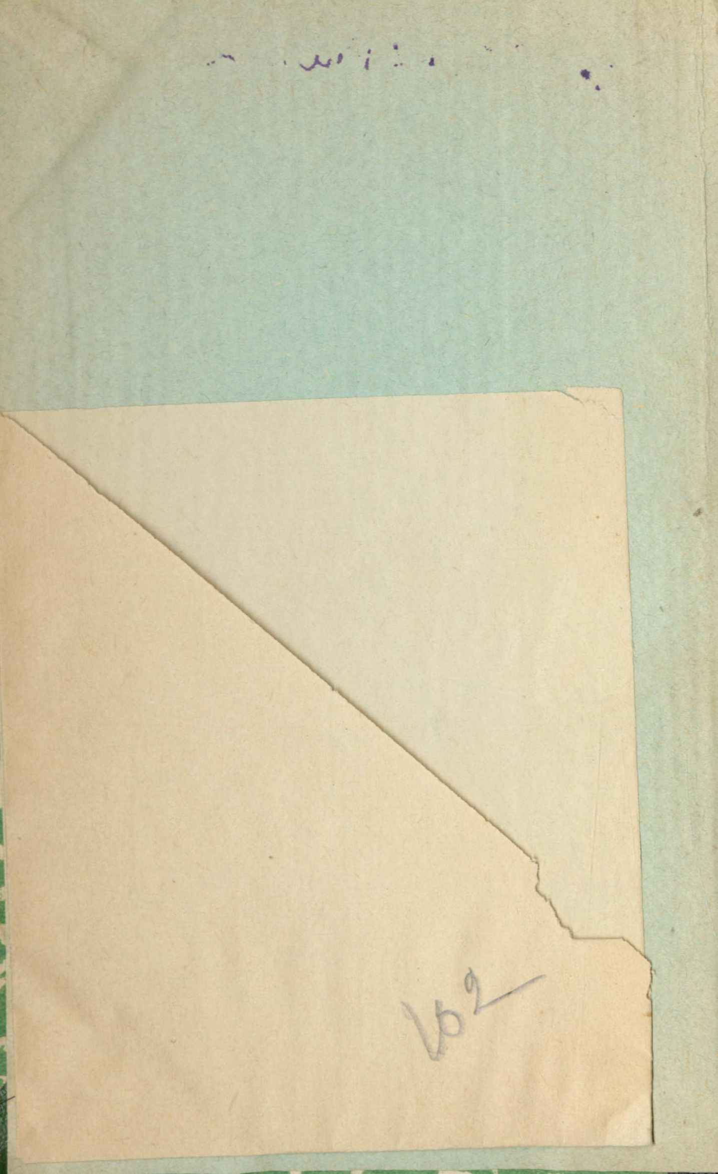

62

БЕЗУСПѢШНАЯ ЛЮБОВЬ несчастнаго кавалера ШАРЛЕВИЛЬСКАГО,

и чудныя ево приключенiя.

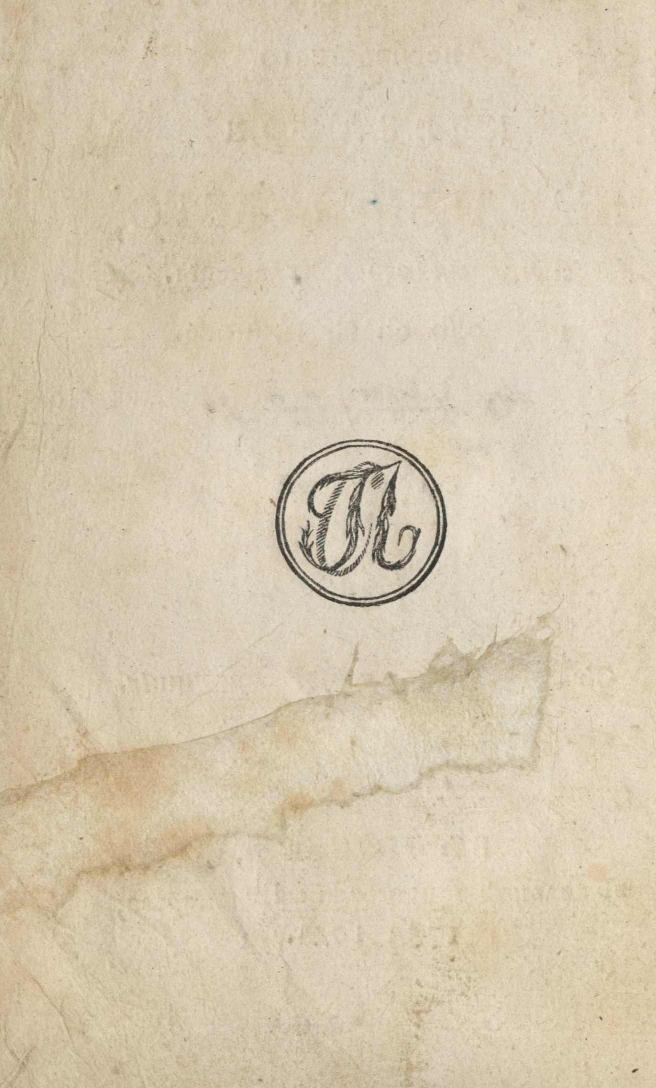
переводъ съ Нѣмецкова.

Съ дозволенiя Управы Благочинiя.

Иждив. С. Петрова.

ВЪ МОСКВѢ,
въ вольной типографiи Пономарева,
1785 года.

БЕЗУСПѢШНАЯ ЛЮБОВЬ КАВАЛЕРА ШАРЛЕВИЛЬСКАГО.

Поелику съ удовольствіемъ воспоминаютъ о своихъ жребіяхъ, и вникая въ прошедшее, получаютъ изъ того себѣ полезное наставленіе; то сдѣлалъ я, безъ всякаго тщеславія, краткое и безпристрастное начертаніе моей жизни, которую я и съ худой и съ доброй стороны представлять буду.

Я не стыжусь юношескихъ моихъ погрѣшностей, или времени моей вѣтренности, которая на многія заблужденія меня соблазняла; и благоразумный

мой читатель отнесется со мною на извѣстное положенїе, что опытъ научаетъ людей.

Отечество мое Францїя, гдѣ отецъ мой изъ знатнѣйшаго и столповаго дома происходилъ. Онъ былъ предводителемъ одного коннаго королевскаго полку. Сїе самое и было причиною, что онъ малое, о домашнихъ своихъ дѣлахъ, имѣлъ попеченїе, которое совершенно возложилъ на мою мать. Семья наша состояла изъ одной дочери и трехъ сыновей, изъ коихъ я былъ младшїй. Содержанїе наше не было великолѣпно, ибо достатокъ моихъ родителей простирался только до ста тысячь талеровъ, и большую часть оныхъ составляли помѣстья. Но сего во Францїи весьма не довольно для знатнаго дома, а паче ежели кто имѣетъ не одного сына.

И такъ по симъ причинамъ старалась наша мать въ цвѣтущей еще нашей младости отъ себя насъ удалить Она хотѣла намъ объявить, какъ скоро только мы станемъ имѣть понятіе, что имѣніе наше весьма посредственно. Старшій мой братъ долженъ былъ на пятнатцатомъ году своего возраста итти уже въ военную службу, а сестра моя была весьма малымъ приданымъ отдана въ монастырь. Для меня и для средняго моего брата также было сыскано мѣсто, въ которомъ мы съ малымъ иждивеніемъ могли быть воспитаны. И по сему въ нѣкоторомъ городкѣ были мы препоручены присмотру и ученіи одного священника, которой записалъ насъ въ училищѣ того города. Тамъ поступали съ нами весьма почтительно, хотя мы и не въ состояніи

были жить пышно. Къ томужъ даны намъ были нѣкоторыя преимущества, которыя намъ противъ прочихъ доставляли отмѣнное почтенiе. Брата моего назвали Графомъ, а меня Кавалеромъ. Ибо тогда еще не введено было обыкновенiе, чтобъ имяновать дѣтей Аббатами, какъ то въ послѣдствiе сдѣлалось, хотя они тогда и никакого еще не имѣютъ при церквѣ мѣста, какъ только названiе кадетовъ, или послѣднихъ сыновей, которыхъ обыкновенно церквѣ посвящаютъ. Между мною и среднимъ моимъ братомъ великое было различiе, въ разсужденiи природныхъ способностей и свойствъ. Онъ тупымъ своимъ понятiемъ мало дѣлалъ чести и удовольствiя доброму нашему учителю. Напротивъ того я, безъ хвастовства сказать, былъ понятенъ и прилеженъ, а осо-

особливо весьма успѣлъ въ Италїанскомъ и Ишпанскомъ языкахъ, чрезъ что и общую похвалу себѣ заслужилъ.

Я имѣлъ еще четырнатцать лѣтъ отъ рожденїя, какъ любовь во мнѣ стала дѣйствовать, хотя и съ весьма еще слабымъ впечатлѣнїемъ. Поелику жестокость сей страсти совсѣмъ мнѣ еще не была извѣстна, то конечно еще мало она во мнѣ дѣйствовала; къ томужъ то существо, которое столь близко людей обоего пола соединяетъ, едва по названїю своему мнѣ было извѣстно. Но сколь малое я имѣлъ тогда о любви познанїе, столько много напротивъ того почувствовалъ въ себѣ къ оной желанїе, увидѣвши нѣкогда представленную трагедїю. Одна женщина, главное въ оной дѣйствующее лице, столько тронула чувствительное мое сердце, что я

почувствовалъ безпримѣрной къ ней жаръ, которой какъ наружною ея красотою, такъ и нѣжными словами, излѣтавшими изъ прекрасныхъ ея устъ, еще больше усугубился. Я принималъ совершенное участiе въ ея судьбинѣ, какъ будто бы и подлинно сiе до нее самой относилось. Соболѣзнованiе мое гораздо больше умножилось, когда я заключилъ по ролѣ, которую она съ великимъ превосходствомъ играла, что она долженствуетъ имѣть добродѣтель въ высочайшей ея степени. Я ощущалъ въ сердцѣ моемъ сильную къ ней склонность; полюбилъ ее страстно; и искалъ съ нею имѣть обхожденiе. Но сколь обмануло меня при семъ мое мнѣнiе! Ибо я въ слѣдствiе узналъ, что та же самая особа, которая предъ тѣмъ показывала себя преисполненною добродѣтельми, не имѣ-

ла

да ни одной искры оныхъ, для того что различныя вольности, мною ей дѣлаемыя, благосклонно и безъ упорства позволяла мнѣ производить.

Я столь много тому удивился, что все мое воображенiе вдругъ переворотилось. Какъ? говорилъ я самъ въ себѣ, можно ли тому статься, чтобъ сiя женщина столько легко согласилась на мою любовь, и во всемъ могла мнѣ дать такую вольность, когда она на театрѣ противъ Государей являла упорство и цѣломудренность.

Я потомъ и еще видѣлъ смѣшныя явленiя, отвращавшiя меня отъ комедiянки; но вкравшiйся притомъ въ меня тотъ въ началѣ сладкой, но вредоносной ядъ безпорядочной склонности къ прекрасному полу, хотя и не имѣлъ я о томъ свѣденiя, былъ неистребимъ.

У вышеобЪявленной комедїянки являлось всякое утро великое множество, какЪ молодыхЪ, такЪ и старыхЪ мущинЪ, которые ей свидѣтельствовали свое почщенїе, какЪ будто бы она вЪ самомЪ дѣлѣ не давно была Княжною. Единое сїе обстоятельство отвратило меня отЪ нее, и произвело во мнѣ омерзѣнїе кЪ дальному сЪ ней знакомству. НапротивЪ того искалЪ я случаевЪ доставить себѣ открытое обхожденїе сЪ другими красавицами; и почти не было ни одной хорошей женщины, кЪ которой бы я не почувствовалЪ нѣкоторой склонности. Но я притомЪ столько былЪ несчастливЪ, что большая часть изЪ нихЪ дѣлали мнѣ ругательные отказы. А какЪ я не имѣлЪ денегЪ, то онѣ всѣ моимЪ глазамЪ казались добродѣтельными; и потому сїя

коры-

корыстолюбивая цѣломудренность необходимо долженствовала быть для меня неподатна. Но ослѣпившая меня любовь не переставала занимать мое вображенiе о красавицахъ, а болѣе къ тому возбуждала.

Въ томъ городѣ, гдѣ я обучался, находился дѣвичей монастырь, коего Игуменья была мнѣ родственница, и въ которомъ находилось много знатныхъ господъ, дочерей, отданныхъ туда на воспитанiе. Я часто посѣщалъ мою родственницу, посредствомъ чего получилъ я случай познакомиться съ одною изъ сихъ прекрасныхъ дѣвушекъ. И такъ изъявилъ я ей мою любовь въ запискахъ, которыя выписалъ изъ одной комедiи. Но гордая сiя отказала моему предложенiю, и сказала мнѣ, что таковые поступки болѣе уже въ свѣтѣ необыкновенны.

венны. Отъ сего пришло мнѣ на мысль, что она можетъ быть много читала романовъ. Однако сей отказъ не потревожилъ моего намѣренія; но напротивъ того я ревностно старался приобресть отъ нее взаимную любовь. Наконецъ сказала она мнѣ чистосердечно, что я удивительной дурачокъ, для того что требую быть любимымъ отъ такой особы, какова она. Я не мало отъ того изумился, для того что сія дѣвчонка, будучи равныхъ мнѣ лѣтъ, почитала меня еще робенкомъ. Тогда не могъ я еще понимать, что дѣвки въ томъ возрастѣ уже выходятъ изъ числа робятъ, въ которомъ насъ еще въ числѣ оныхъ почитать можно.

Вскорѣ я послѣ сего происхожденія влюбился въ супругу Губернаторскую, и ясные показывалъ ей знаки любовнаго моего

его пламени. Поелику она уже шесть лѣтъ была въ супружествѣ, и имѣла отъ роду тридцать лѣтъ, я же напротивъ того былъ еще по пятнатцатому году: то могла бы она меня съ добрымъ выговоромъ отправить. Но она того не дѣлала, а только увеселялась всѣми моими любовными разговорами. И дабы получить больше свѣденія о искуствѣ въ любви, и любовныхъ разговорахъ, читалъ я чрезъ каждые три дни романы, коихъ уже у насъ тогда довольно находилось. Я думалъ, что также надлежало поступать въ любви, какъ то дѣлали герои романовъ; и я воображалъ себя то иногда Геркулесомъ, то Парисомъ, то Александромъ, а Губернаторская жена не меньшею глазамъ моимъ казалась любовницею, какъ Елена и Кассандра. Я имѣлъ къ ней свободной до-

ступѢ; а ея мужу весьма было приятно видѣть меня часто при своей женѣ. Ибо онъ почиталъ меня совершенно невиннымъ въ любовныхъ грѣхахъ; и намѣренiе его было, чтобъ моимъ присудствiемъ препятствовать вольному доступу своихъ соперниковъ. Но наконецъ жена его сдѣлала меня своимъ сторожемъ, или способомъ своего обмана, которой мужемъ ея былъ чистосердечно почитаемъ. И для того взяла она меня однажды съ собою въ садовую алею, и просила меня присматривать, чтобъ никто въ оную не вошелъ, сказавъ мнѣ, что есть тому нѣкоторая причина, о которой мнѣ не должно знать. Потомъ пошла она отъ меня въ бесѣдку, какъ будто бы имѣла крайнюю нужду съ кѣмъ говорить. Вдругъ увидѣлъ я ея любовника, входящаго въ одну

садо-

садовую дверь. Послѣ чего они оба заперлись въ помянутой бесѣдкѣ. Сей поступокъ великую возбудилъ во мнѣ ревность, и я вознамѣрился не оставить ихъ удовольствїя безъ помѣшательства. Я побѣжалъ тотчасъ къ садовой двери, стучался крѣпко въ оную, и кричалъ ей: милостивая государыня! вашъ супругъ идетъ. Она подбѣжала къ двери; но не отпвo ивъ оную, умильно меня просила, чтобъ я пошелъ съ ея мужемъ по другой алеѣ, покаместъ она окончитъ съ Кавалеромъ свой разговоръ. Я притворился повиновавшимся ея повелѣнїю, но спрятался въ тайномъ мѣстѣ, и ожидалъ окончанїя сего дѣла. Вскорѣ потомъ ушелъ Кавалеръ изъ саду, и жена вышла изъ бесѣдки, для разговору съ своимъ мужемъ. Не взирая на мои ласки, усмотрѣла она во мнѣ тухи-

хитрость, которую я для своего успокоенія хотѣлъ употребить. Сначала думалъ я, что она гораздо больше будетъ имѣть ко мнѣ склонности, для того, что мнѣ любовныя ея дѣла совершенно были извѣстны; но я долженъ былъ испытать противное. Она называла меня предъ своимъ мужемъ дерзкимъ малчикомъ, которой ей часто о своей любви болтаетъ. Губернаторъ повѣрилъ словамъ своей жены, и сдѣлалъ мнѣ достойное наказаніе, съ тѣми притомъ словами, что онъ бы со мною поступилъ, какъ съ робенкомъ, если бы онъ столько не любилъ моихъ родственниковъ. Сіе поруганіе внутренность мою возмутило, такъ что я вмѣсто того, чтобъ открыть ему истинну о его женѣ, яростно пустился съ нимъ въ драку, и если бы силы отвѣчали

вѣчали моему желанію, что бы непремѣнно я его удавилъ.

Сія отважность навлекла на меня чувствительное наказаніе, и я мгновенно долженъ былъ оставить его домъ. Со стыдомъ я съ нимъ разстался; однако онъ спокойно долженъ былъ отъ меня слушать стократное названіе дурака. Не меньше и супругѣ его отъ меня досталося; я называлъ ее непотребною и злонравною женщиною, ставившею посреди дня мужу своему рога.

Возвращаясь въ свой домъ, разсуждалъ я самъ въ себѣ: вѣроломная! не ты ли сама вручила мнѣ то оружіе, которое бы я могъ у мужа твоего противъ тебя принять? Я для скрытія твоего стыда умолчалъ, и такое-то получилъ я награжденіе! — Изъ послѣдствія научился я, что коварная женщи-

на въ состоянїи производить гнуснѣйшїя подлости, и что красота ея есть ужасная бездна несчастїй для чувствительныхъ сердецъ. Ни какой живописецъ, ниже стихотворецъ не изобразилъ еще столь живо такого рода женщину, никакой мудрецъ столь близко не испыталъ, сколько я свойства пагубны.

Для продолженїя моей повѣсти, объявляю, что отецъ мой умеръ въ Пїемонтѣ на одрѣ славы. Подъ его предводительствомъ получена была знатная надъ Испанцами побѣда. Вскорѣ потомъ взяла насъ наша мать къ себѣ въ Парижъ, и старалась доставить намъ хорошїя мѣста. Къ тому имѣла она великую надежду; для того что королевской любимецъ съ старшимъ моимъ братомъ вмѣстѣ взросъ, и былъ откровеннѣйшимъ его дру-

другомЪ. ПосредствомЪ ходатайства сего знатнаго человѣка, счастїе мое приближалось. Но между тѣмЪ среднїй мой братЪ вступилЪ вЪ морскую службу, а я опредѣлился вЪ полкЪ старшаго моего брата, которой при первомЪ походѣ взялЪ меня сЪ собою вЪ ПїемонтЪ.

Зиму до нашего отЪѣзда, прожили мы вЪ Парижѣ, и почти всякой день были у господина Цингмарса. Я сЪ начала почиталЪ его благополучнѣйшимЪ человѣкомЪ; ибо онЪ на двацатомЪ году своего возраста былЪ уже ближайшимЪ любимцемЪ Короля, вЪ почтенїи у придворныхЪ, и блисталЪ между женщинами, которыя старались удостоиться одного его взгляда. Но посреди сего благополучїя можно было усмотрѣть на лицѣ его неудовольствїе; слова

его были жалостны, когда должны выражить радость.

Часто казалось, что онъ имѣлъ робкую молчаливость, и ни на одинъ вопросъ не отвѣчалъ. Причины сего были только брату моему извѣстны. А я совсемъ въ томъ не желалъ имѣть участія; но только разсуждалъ о различныхъ человѣческихъ участяхъ. Я сдѣсь изслѣдовалъ общее предразсужденіе тѣхъ людей, которые въ высочайшей степени своей чести, любя только самихъ себя, на прочихъ съ ругательнылъ сосолѣзнованіемъ свой взоръ обращаютъ.

Цингмарсъ былъ одаренъ отъ природы всѣми преимуществами; онъ былъ прекрасенъ расположеніемъ тѣла, и имѣлъ благородный духъ. Но все сіе не подало ему успѣха въ вѣрности его любовницъ, которыхъ онъ для пре-

про-

провожденія времени, или больше по своей страсти себѣ избиралъ. Поелику онъ весь день долженъ былъ находиться при Королѣ, то находили они лучшіе случаи, нарушить къ нему свою вѣрность, и продажное свое сердце вручать всякому щедрому ласкателю. Къ одной изъ таковыхъ имѣлъ Цингмарсъ отмѣнную склонность, и дѣлалъ для нее великія иждивенія. Онъ нанялъ ей великолѣпной домъ, но рѣдко ее посѣщалъ, для того что не хотѣлъ являться безъ дорогихъ подарковъ. Къ сей красавицѣ водилъ иногда Цингмарсъ меня и моего брата, и оставлялъ насъ тамъ одинхъ, когда ему нужно было итти къ Королю. Брату моему совсемъ не приходило на мысль, чтобъ знатному своему другу препятствовать въ любви; а обходился съ нею равнодушно.

 шно.

шно. Но я старался лучше симЪ случаемЪ воспользоваться и наболтать ей что нибудь о моей склонности.

Я уже одинЪ разЪ твердое положилЪ намѣренiе, ни сЪ какою женщиною не говорить, не употребляя вЪ словахЪ своихЪ любовнаго изЪясненiя; и сiю привычку сдѣлалЪ я наконецЪ своимЪ закономЪ. Хотя часто не доставало мнѣ смѣлости и мужества, но какЪ скоро страсть возмущалась, то и робость мгновенно изчезала, и я дѣлался столь краснорѣчивЪ, что могЪ говорить какЪ ДемосфенЪ.

Сiя самая трусость и при сей красавицѣ была мнѣ препоною; но взволновавшаяся во мнѣ страсть наконецЪ оную преодолѣла. Я сначала долго размышлялЪ, какЪ бы прикрасить мои слова; наконецЪ природа кЪ статѣ мнѣ спомоществовала, и

и я къ ней слѣдующимъ образомъ началъ говорить.

Милостивая государыня, говорилъ я ей, вы одарены множествомъ прелестей, и я думаю, что сіе не было бы противно справедливости, если бы вы и другаго удостоили оными наслаждаться. Цингмарсъ при семъ мало или почти ничего не потеряетъ; ибо вы въ глазахъ его также все останетесь обожанія достойною.

Она прервала рѣчь мою своею жалобою, что Цингмарсъ мало ее почитаетъ, и что потому она ему не весьма обязана; почему и имѣетъ она совершенное право, дѣлать другаго участникомъ откровеннаго своего дружества.

Однако, отвѣчалъ я, за подлинное говорятъ, что онъ для васъ каждой годъ тратитъ больше тысячи талеровъ; и такъ

можетъ ли кто другой вамъ понравиться, не имѣющій такихъ достоинствъ, какъ Цингмарсъ? — Ахъ! продолжалъ я, чтобъ польстить ея честолюбію, если бы я могъ доставить себѣ вашу склонность величайшими въ свѣтѣ драгоцѣнностями! Но обстоятельства мои столь тѣсны, что я любовныя мои изъясненія не иначе, какъ дерзостью назвать могу.

Какъ? сказала мнѣ, развѣ вы столь дешевою почитаете мою любовь, что ежели я кого оной удостою, и тотъ бы могъ сказать, что я ему совсемъ подарила мое сердце?

При семъ пристально смотрѣла она на золотыя мои часы; но я тогда не помышлялъ о томъ, чтобъ наблюдать устремленные ея взгляды. — Она продолжала далѣе.

Друзья,

Друзья, совершенно меня любившіе, никогда не могутъ меня упрекнуть тѣмъ, что я отъ нихъ получала, развѣ только для памяти не большой подарочекъ. И кто бы до такой крайности былъ скуденъ, чтобъ въ безделицѣ отказалъ женщинѣ? —— Ахъ! если бы то было справедливо, что вы меня любите, то я бы любовь вашу драгоцѣннѣе почитала, нежели Цингмарсову, съ его пятидесятью тысячами талеровъ. Ибо кто хочетъ купить нашу склонность, тотъ ее не достоинъ.

Вкрадчивыя слова, пріятнымъ голосомъ ласкаво произносимыя, произвели во мнѣ мысли подкрѣпленныя моимъ самолюбіемъ, что я можетъ быть въ ея глазахъ кажусь лучше Цингмарса. Но корыстолюбіе ея казалось мнѣ не согласно съ ея великодушіемъ; ибо она не была

довольно пятидесятью тысячами талеровъ въ годъ и при всемъ томъ хотѣла быть почтена великодушною. Она находила во мнѣ множество похвальныхъ достоинствъ, которыхъ предметомъ были золотые мои часы. Она по тѣхъ поръ метала на ихъ любопытные свои взгляды, покамѣстъ коварствомъ своимъ ими овладѣла, вооружась противъ меня льстивыми своими ласками. Наконецъ усмотрѣлъ я, что она понабравшись отъ одного любовника, была къ другому податна; и по тому я старался ее убѣгать, и не хотѣлъ изнурять своей любви ея вѣроломствомъ.

Я потомъ влюбился въ новой предметъ, а именно: въ одну молодую дѣвицу, которая жила у одной Герцогини, и была мнѣ дальная родственница. Для досты-

стиженія моего желанія, прибѣгнулъ я къ ея горничной дѣвкѣ, которой тайно открылъ мою любовь къ ея барышнѣ. Сія служанка обѣщала мнѣ въ томъ помочь, и я ей возблагодарилъ за то шестью луидорами. Вотъ какъ глупо поступаетъ юноша, предающійся дурацкимъ побужденіямъ любви.

Сія дѣвка скоро меня увѣдомила, что я могу надѣяться на полученіе взаимной любви, отъ ея госпожи. Сіе произвесть въ дѣйство условились того же вечера; я долженствовалъ по полуночи явиться въ домъ Герцогини.

О небо! сколь стремительное имѣлъ я тогда желаніе, представлять почтительнѣйшими словами сей дѣвицѣ мою любовь, и ее обнимать! Что же послѣдовало? — Служанка дождавшись меня, ввѣла въ большую

шую залу, и тамъ меня заперла. Я больше двухъ часовъ принужденъ былъ остаться безъ свѣчи. Холодъ былъ чрезмѣрной, для того что сїе нѣсколько дней послѣ новаго году происходило; и потому всѣ члены мои дрожали, коихъ ниже самая жарчайшая моя любовь не могла разогрѣть. Наконецъ отворила она дверь, извинялась предо мною въ долгомъ своемъ медленїи, и повела меня въ другую комнату, въ которой находились горящїя въ каминѣ уголья. Тутъ сказала она мнѣ, чтобъ я погрѣлся, а барышня ея скоро выйдетъ. Изъ всѣхъ сихъ обстоятельствъ я напередъ усматривалъ, что никакой не получу пользы; притомъ же сильной холодъ лишилъ меня способности, хотя одно разумное слово выговорить сей барышнѣ.

Какъ

Какъ я сими мыслями занимался, услышалъ я, что нѣкто вошелъ въ мою горницу, и по тихоньку ко мнѣ приближался. Я думалъ, что сіе никто иной былъ, какъ моя любезная; и потому сдѣлалъ я вопросъ, но на оной мнѣ не было отвѣтствовано. Сіе молчаніе почелъ я за робость и стыдливость. Въ тужъ самую минуту отворилась еще разъ дверь, и я усмотрѣлъ посредствомъ свѣта происходившаго отъ угольевъ, что вошелъ къ намъ мущина. Стоящая подлѣ меня женщина спрятала меня за завѣсу, и пошла навстрѣчу идущему. Она учтивѣйшимъ образомъ его просила, чтобъ онъ вышелъ, и желала отъ него въ другое время посѣщенія, но онъ не доволенъ былъ сею учтивостію; а желалъ знать пре-

пят-

пятствіе, сдѣлавшее его на сей разъ меньше пріятнымъ.

Онъ тотчасъ обшарилъ завѣсу, и схватилъ меня съ особенною свирѣпостію, отъ которой я счастливо отборонился. Между тѣмъ женщина отъ насъ скрылась, и симъ шумомъ пробудившаяся Герцогиня, пришла къ намъ съ свѣчою; а помянутая дѣвка шла за нею. Тутъ увидѣлъ я, что имѣлъ дѣло съ слугою; а коварная дѣвка всю вину на мой щетъ поставила. Она столь искусно умѣла притвориться плачущею, какъ будто бы была самая невинность. Она называла меня дерзкимъ, насильно ворвавшимся въ ея покой; и прибавила еще къ тому, что она велѣла слугѣ меня прогнать. Герцогиня выговорила мнѣ чувствительнѣйшими словами за сей мой проступокъ, и

тот-

тотчасъ велѣла меня отвести на квартиру. И такъ сей вечеръ страстнаго моего желанія превратился въ печальной и горестной вечеръ.

При всемъ томъ не возможно было мнѣ злобствовать на служанку; ибо я усматривалъ ту необходимость, которая заставила ее прибѣгнуть къ сей хитрости. Чтобъ вытти изъ подозрѣнія у Герцогини, долженствовалъ я сдѣлаться невинною жертвою стыда.

Наконецъ при наступленіи весны долженъ я былъ съ моимъ братомъ ѣхать въ Піемонтъ. При скоромъ моемъ возвращеніи, началъ я вновь посѣщать Герцогиню, и любовь моя къ той дѣвицѣ опять воспламенилась. Тутъ получилъ я случай разсказать Герцогинѣ о томъ любовномъ происхожденіи, которое къ стыду моему безвинно со

мною

мною приключилось. Она слушала меня со удивленіемъ, и изловила наконецъ свою служанку въ томъ дѣйствіи, которое я имъ тогда помѣшалъ. Вскорѣ потомъ подавала мнѣ Герцогиня знаки, что она хочетъ со мною имѣть тайныя любовныя обращенія. Сіе мнѣніе мнѣ понравилось, но сопряженное съ тѣмъ условіе мене отъ того отвращало. Я долженствовалъ сдѣлаться духовнымъ человѣкомъ; а сей чинъ не согласовался съ моимъ чувствованіемъ. Причина тому мнѣ была не безъ извѣстна; ибо откровенное обхожденіе съ духовнымъ не подаетъ никакого подозрѣнія. Что мнѣ должно было дѣлать? По любви къ Герцогинѣ принужденъ былъ я согласиться на хитрый ея вымыселъ, и вступить въ семинарію, гдѣ проповѣдники обыкновенно обучаются. Но пре-

красная ея питомица оказывала при перемѣнѣ моего чина великое неудовольствїе. Нѣкогда она меня спросила, что не ужель она отъ меня то заслуживала; чтобъ я счастїе ея вмѣстѣ съ собою сокрылъ въ уединенныхъ стѣнахъ семинарїи? —— Сей вопросъ былъ громовымъ ударомъ моему чувствительному сердцу, которое во внутренности восстрепетало; и потому не могъ я ни коимъ образомъ рѣшиться на перемѣну свѣтскаго платья на духовное. Герцогиня ясно усмотрѣла, что прелести прекрасной Изабеллы, такъ называлась моя богиня, довели меня до сей нерѣшительности. Для изгнанїя изъ моихъ чувствованїй сего впечатлѣнїя, сказала она мнѣ, что Изабелла опредѣлена старому, но богатому мужу, а потому тайныя мои умыслы были бы безплодны. Новой

страхъ мною овладѣлъ, и я въ семъ случаѣ не зналъ ничего больше дѣлать, какъ только исполненiемъ Герцогининой воли, пользовался ея благосклонностiю. Я о томъ увѣдомилъ ея питомицу, и она показывала чрезвычайную радость, что я не могъ угадать онаго причины: онаго то было богатство, ослѣпившее ея чувствованiя, и старость, сдѣлавшая ее равнодушною. Безразсудная ея гордость сдѣлала ее и ко мнѣ холодною. Можно ли подумать, чтобъ деньги въ сердцѣ красавицы, давали старику предъ молодымъ преимущество? Такая непостоянность больше меня въ намѣренiи моемъ утвердила, принять на себя духовной чинъ, и навсегда отказаться отъ дѣвичьяго общества. Но поелику разныя обстоятельства часто намѣренiя наши пресѣкаютъ, то и я

долженствовалъ въ слѣдствіе претерпѣть оныхъ помѣшательства.

Зима опять прошла, и по наступленіи весны, отправился мой братъ въ походъ въ Руссильонъ, чтобъ тамъ предводительствовать своимъ полкомъ. А я надѣвъ черное платье, получилъ Аббатской чинъ. Все, что я могъ чрезъ сіе получить отъ Герцогини, было то, что я вмѣсто семинаріи получилъ близъ Сорбоны содержаніе, гдѣ и обучался дѣйствительно Богословіи.

Въ тотъ день, какъ я въ первой разъ надѣлъ Аббатское платье, пошелъ я къ Герцогинѣ, которая меня сама во всемъ, касающемся до кротости и наружной благопристойности, прилежно наставляла. Она научала меня, какъ мнѣ надлежитъ потуплять въ землю глаза, и какъ принять другія на себя ви-

ды священнаго мужа. Я чистосердечно признаюсь, что сначала не малаго мнѣ труда стоило, такимъ образомъ скрывать прежнюю свою вѣтренность, чтобъ избѣгнуть всѣхъ выговоровъ, за проступки въ наружныхъ моихъ поведенiяхъ. Притворное благоговѣнiе почиталъ я всегда постыднѣйшимъ поступкомъ; но желанiе понравиться понудило меня противъ чувствованiй моихъ представлять изъ себя благочестиваго человѣка.

Герцогиня оказывала великое удовольствiе, увидя меня въ Аббатскомъ платьѣ. Притомъ такъ искусно могла она меня вездѣ разглашать добродѣтельнымъ, что каждой почиталъ кротость мою виною моего желанiя къ духовному чину. Герцогъ также ни мало не подозрѣвалъ моего поведенiя; но напротивъ того имѣлъ

имѣлъ обо мнѣ лучшія мнѣнія. Вотъ какъ коварная жена часто можетъ быть почтенною и притомъ стараго своего мужа обольщать. И для сего совѣтовалъ бы я почтеннымъ старикамъ никогда не вступать въ супружество съ молодыми, ежели не хотятъ носить украшенія Актеонова. Однако простота Герцога и великая его довѣренность къ своей женѣ были благоприятнѣйшимъ способомъ къ удовольствованію моихъ желаній. Ибо я нѣсколько мѣсяцовъ спокойно и безпрепятственно наслаждался откровеннымъ съ нею обхожденіемъ. Но наконецъ овладѣлъ мною нѣкоторой страхъ, что она со мною также можетъ поступать, какъ то оказала себя до сего во вредъ прежнихъ своихъ любовниковъ. И для сего тщательно убѣгалъ я ее, и скинулъ съ себя духовную

одежду, которую я долженствовалъ носить вмѣсто завѣсы любовной наши страсти. Я вознамѣрился искать счастія на Марсовомъ полѣ. Къ сему спомоществовалъ мнѣ мой братъ. Онъ прислалъ мнѣ деньги и велѣлъ мнѣ пріѣзжать въ Лїонъ.

Я туда въ скоромъ времени прибылъ; но какой ударъ! Какое неожидаемое предопредѣленіе услышалъ я тамъ о Цингмарсѣ! Сей любимецъ Христїяннѣйшаго Короля, былъ обремененъ тяжкими оковами и находился уже при безднѣ своего злополучія. За учиненной его съ сообщниками зоговоръ, былъ онъ дѣйствительно на смерть осужденъ. Я горѣлъ желанїемъ еще разъ поговорить съ симъ достойнымъ другомъ, прежде его смерти.

На другой день моего пріѣзда въ Лїонъ, привезенъ былъ

туда скованный Цингмарсъ. Братъ мой и я одѣлись въ рабское платье, и стали подлѣ двери ратуши, чтобъ онъ насъ увидѣлъ, когда выйдетъ изъ коляски и пойдетъ въ ратушу. Онъ тотчасъ насъ узналъ, и заключилъ изъ нашего платья, что мы не хотимъ быть извѣстными. Вышедъ изъ коляски, просилъ онъ позволенія съ нами поговорить, представляя притомъ, что мы прежде сего у него были во услуженіи. Въ томъ не было отказано сему несчастному человѣку, и насъ допустили итти съ нимъ въ покой. Мы обняли его и испускали токи слезъ. Сіе печальное зрѣлище столь сильно въ сердцѣ моемъ дѣйствовало, что разлука наша мнѣ невозможнымъ казалась. Но Цингмарсъ улыбался - - - не ужель вы думаете, друзья мои, говорилъ онъ, утѣшительнымъ го-

лосомъ, что Король когда либо допуститъ меня казнить ?

Братъ мой, имѣя о семъ точное свѣденіе, наклонилъ свою голову къ землѣ, и подалъ ему уразумѣть своимъ взоромъ, что ему не осталось никакой надежды къ полученію вольности. Какъ? вскричалъ Цингмарсъ въ замѣшательствѣ, не ужель я не могу себя ободрять полученіемъ вольности, сего драгоцѣннаго сокровища? Братъ мой паки его обнялъ и залился слезами. Увы! вскричалъ онъ, несчастіе ваше необходимо, повѣрте мнѣ, великодушной мой другъ, я сіе во всѣхъ жилахъ моихъ чувствую. Обоймите меня еще, любезнѣйшіи мои! —— Жестокая горесть Цингмарса превратилась въ чрезмѣрное бѣшенство, и онъ вскричалъ ужасным голосомъ: ахъ! проклятая жизнь, я долженъ тобою

къ

къ моему несчастїю наслаждаться, и ты хочешь меня до самаго мѣста казни сопровождать. Разверзись адъ, ибо я въ мрачныхъ твоихъ безднахъ надѣюсь больше имѣть удовольствїя, нежели въ сихъ оковахъ, которыя отягчаютъ руки и сердце мое! — Ну! влеките меня на мѣсто поруганїя, и судьи, напейтесь моей крови, которая изъ злосчастнаго моего трупа потечетъ рѣкою. Я трепещу; гдѣ я друзья? Я уже при краѣ смерти. — Суетный страхъ, суетный ужасъ, я только однажды умру, однажды долженъ и удовольствовать требованїе природы. Друзья, которыхъ я столь нѣжно любилъ, живите благополучно; проклинаю и презрѣваю моихъ враговъ, уготовившихъ мнѣ смерть! — О несчастная придворная жизнь. Почиталъ ли я ее когда такою? —

 Дру-

Друзья! не имѣете ли вы при себѣ кинжала, чтобъ пронзить страждущее мое сердце? Сдѣлайте мнѣ сїе послѣднее благодѣянїе, сей единой подарокъ спокойной смерти, которая меня избавитъ отъ поруганїя.

Увидѣвъ что братъ мой ничего ему не отвѣчалъ, упалъ онъ разслабленный на стулъ говорилъ: и такъ я погибъ! Да! я погибъ! сердце мое представляетъ мнѣ одно мрачнѣйшее другаго вообраӝенїе; я умру жертвою вѣроломнаго обмана, я буду жертвою злаго мщенїя — Да изыдитъ моя душа! тѣло сїе для ее весьма тѣсно, она стремится къ небесамъ; она не хочетъ больше пребывать въ поруганномъ своемъ жилищѣ. Благотворительный ударъ, которой преселитъ душу мою въ вѣчность! Я не требую больше милости отъ смертныхъ

ныхъ, сей бѣдной милости, но молю небо о милосердіи. Создатель, Отецъ міра! духъ мой будетъ сопровождаемь десницею твоего всемогущества, чтобъ онъ не заблудился между ефирами, и я чтобъ не разрушился объ камень тлѣнія. Спокойнѣе, спокойнѣе, друзья мои, становится моя душа; простите меня за прежній мой гнѣвъ, и живите благополучно. Оставайтесь здѣсь до будущаго свиданія въ вѣчности. Такимъ образомъ оставили мы его по нѣжномъ обниманіи, и радовались его постоянству и великодушію.

Приближилось время его казни, и мы старались сколько возможно стать ближе къ ешафоту. Цингмарсъ вошелъ на оной съ неустрашимостію, изъ чего мы заключали, что онъ не поступилъ противно тому великодушію, въ которомъ мы его

въ

въ послѣднїй разъ оставили. Онъ во всѣ стороны оглядывалась, и казалось, что онъ устремилъ глаза свои на насъ. Видѣлъ ли онъ насъ, того не знаю; но только сдѣлалъ онъ поклонъ въ ту сторону, гдѣ мы стояли. Что до меня касается, то признаюсь, что я не могъ смотрѣть на сїе печальное зрѣлище. Я не прежде поднялъ свои глаза, какъ палачь совершилъ свой ударъ, которой я столько же чувствовалъ, какъ будто бы оной былъ надо мною самимъ произведенъ. Послѣ сего братъ мой прибылъ полумертвъ домой; и я всячески старался опять его подкрѣпить. Тутъ открылась братская наша любовь во множествѣ благородныхъ чувствованїй; соотвѣтствующїя взаимно наши сердца соединялись вмѣстѣ; одинъ искалъ утѣшенїя на устахъ другаго. Братъ мой сказалъ, что никто

боль-

больше не причиною Цингмарсову несчастїю, какъ сѣти женскаго пола, которыя развратили его нравы и сдѣлали соучастникомъ въ винѣ сего постыднаго предательства. И такъ положилъ я твердое намѣренїе всякой откровенности женскаго пола удаляться. Но любовь находилъ я такимъ камнемъ, отъ котораго хотя тысячу кратъ претерпѣваютъ кораблекрушенїе, но всегда объ оной ударяются.

Когда братъ мой опять отъ болѣзни освободился, пошелъ въ полѣ. Я былъ при немъ; и мы иногда стояли въ Руссильонѣ, иногда въ Каталонїи. Въ оной провинцїи былъ я при осадѣ Сергингона, и служилъ въ полку моего брата. Бывали при семъ и такїе случаи, изъ которыхъ братъ мой довольно могъ усмотрѣть, что во мнѣ нѣтъ недостатку въ мужествѣ и храбрости,

сти, для снесенія военной судьбы. Склонность къ сей службѣ казалась мнѣ природною страстію; и я будучи еще въ училищѣ съ удовольствіемъ читалъ великія дѣла Александра и Кесаря, которыя внушали въ меня сильную склонность къ войнѣ.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ открылась при Леридѣ въ Каталоніи баталія, въ которой и я съ братомъ моимъ находился. фелдмаршалъ де ла Мотъ предводительствовалъ тогда нашимъ войскомъ, и мы одержали знатную надъ Гишпанцами побѣду. Помянутый военачальникъ представилъ меня потомъ въ Парижѣ Кардиналу Ришелье, которой зная достоинства и заслуги моего брата, побуждалъ меня столько же быть разумнымъ и храбрымъ, какъ онъ.

Въ слѣдующій походъ получилъ я въ Шампаніи въ полку моего брата роту. Онъ находился тогда при Принцѣ Г . . . предводительствовавшемъ французскимъ войскомъ, и былъ при благополучной Рокруаской баталіи. Полкъ его, въ которомъ я находился, былъ отлученъ отъ всего войска, для сохраненія нѣкотораго мѣста. Сіе не мало меня смутило; ибо я не могъ оказать своей храбрости, и имѣть участія въ полученной побѣдѣ.

Сколько мужественъ и неустрашимь ни былъ я въ войнѣ; однако коварной Купидонъ умѣлъ поразить мое сердце въ чувствительнѣйшее мѣсто. Въ Шарлевилѣ свелъ я знакомство съ мѣщанскою дочерью, которая при своей красотѣ имѣла превосходныя душевныя дарованія, которыя весьма превосходили

ея рожденіе. Я досталъ взаимную ея къ себѣ любовь, но къ неудовольствію моему, была она сговорена за богатаго купца, и родители ея ни подъ какимъ видомъ не хотѣли согласиться на нашъ бракъ. Наконецъ безъ вѣдома и противъ воли ея родителей заключили мы между собою брачной договоръ. Мы не имѣли недостатку въ свидѣтеляхъ и въ священникѣ; однако мы удалились въ деревню, и сочетались попросту безъ всякаго шуму. Я любилъ ее, какъ душу свою, и она была совершенною обладательницею моего сердца. Для воспрепятствованія сочетанію съ богатымъ купцомъ, представляла она своимъ родителямъ, что желаетъ посвятить себя монастырской жизни. Сіи не противясь сему ея благочестивому желанію, надѣлили ее приданымъ. И такъ вступила

пила она въ монастырь; и я обѣщался ей по прошествіи искуса, которой продолжался цѣлой годъ, взять ее изъ онаго. Передъ своимъ вступленіемъ открыла она мнѣ тайну, изъ которой я усмотрѣлъ, что скоро сдѣлаюсь отцомъ. И потому просила она меня, чтобъ я всевозможно скорѣе, и еще во время ея искуса взялъ ее къ себѣ. Я клялся ей исполнить свое обѣщаніе и быть къ ней, какъ скоро полкъ расположится на зимовыя квартиры. Потомъ обнявъ ее нѣжно, не безъ смущенія оставилъ.

При исходѣ Августа мѣсяца получилъ нашъ полкъ повелѣніе быть при осадѣ фіонвильской крѣпости; а потомъ опредѣлилъ рокъ, что намъ надлежало итти къ войску фельдмаршала Гебріанта. По окончаніи похода всячески я старался въ истребованіи позволе

нія; но къ величайшей моей досадѣ, не могъ я во всю зиму получить исполненія своего желанія. Прошелъ уже Мартъ мѣсяцъ слѣдующаго года, какъ я прибылъ въ Парижъ. Я между тѣмъ часто писалъ къ моей любезной, но писмы наши не доходили; и потому не могъ я никогда получить отъ нее отвѣта. На другой день моего пріѣзда въ Парижъ, поѣхалъ я по почтѣ въ Шарлевиль.

Я прибылъ туда на другой день, послѣ обѣда между вторымъ и третьимъ часомъ; и засталъ на площади собравшійся великою толпою народъ. Я спросилъ того причину; на что мнѣ было отвѣтствовано, что поведутъ на мѣсто казни одну молодую женщину, которая умертвила незаконнаго своего ребенка. Малое время спустя увидѣлъ я сію несчастную, ведо-

мую

мую и сопровождаемую духовникомъ. О небо! какое печальное зрѣлище! Та самая дѣвушка, съ которой я раздѣлилъ свое сердце, была на сію жертву опредѣлена. Лице ея, покрытое смертною блѣдностію, столь перемѣнилось, что я едва ее могъ узнать. Я и понынѣ еще съ трепетомъ воспоминаю о семъ явленіи, коего печальное изображеніе по гробъ мой въ моемъ сердцѣ останется впечатлѣно. Однако я подкрѣпилъ себя мужествомъ, протѣснился сквозь народъ, и закричалъ во весь мой голосъ, *милость*! — Я былъ на лошади и подобился курьеру, спѣшащему къ нимъ съ великою поспѣшностію.

Народъ, удивленный такимъ явленіемъ и торжественнымъ моимъ голосомъ, въ самомъ дѣлѣ подумалъ, что я пріѣхалъ со объявленіемъ про-

щенія сей преступницѣ. И такъ вдругъ былъ я со всѣхъ сторонъ окруженъ народомъ, которой о томъ изъявлялъ великую радость. Я просилъ предстоящихъ о вспоможеніи мнѣ въ избавленіи сей дѣвушки. Отважнѣйшіе изъ нихъ помогли мнѣ разогнать палачей; и такимъ образомъ избавили мы наконецъ сію несчастную отъ поруганія и смерти. Я тотчасъ посадилъ ее на свою лошадь, и поскакалъ оттуда, подобно скоростію лѣтящей птицѣ, или плывущему по вѣтру кораблю.

И такимъ образомъ избавила хитрость мущины, такую дѣвушку, которая безразсудною своею любовію навлекла было на себя несчастіе.

При помощи народа отъѣхали мы отъ города нѣсколько миль, и прибыли въ густой лѣсъ. Нѣкоторые изъ числа подавшихъ

мнѣ

мнѣ помощь, проводили насъ до самаго сего мѣста. Утомившись отдохнулъ я тамъ нѣсколько минутъ съ моею избавленною. Провожатые наши почитая насъ небезопасными въ семъ мѣстѣ, предложили намъ свое провожанїе до безопаснаго мѣста. Я опять посадилъ на лошадь разслабленную мою дѣвушку, и ѣхалъ до самой ночи. Въ недалекомъ разстоянїи увидѣли мы шалашъ одного пустынника. Мы къ нему доѣхали, и къ счастїю нашему онъ былъ дома. Сей пустынникъ принялъ насъ дружески; и старался услужливостїю своею намъ угодить. Какъ дѣвушка моя по немногу стала опамятоваться, спросилъ онъ ее, не позываетъ ли ее на пищу? Лизета, такъ называлась она, отвѣтствовала съ глубокимъ вздохомъ, конечно такъ, душа моя алкаетъ небесной пищи

— Никакая пища, кромѣ сей, не утолитъ моего голода. — Я желаю успокоиться. Поелику пустынникъ былъ забавной человѣкъ, то сказалъ ей, что смерть для прекрасной молодой дѣвушки есть весьма гнусной супругъ. Къ подтвержденїю своихъ доказательствъ показалъ онъ ей скелетъ. Послѣ сего безпрестанно продолжалъ онъ шуточные разговоры, которые свойственны простосердечному пустыннику. Лизета пришла въ себя, а пустынникъ спросилъ ее, знаетъ ли она, гдѣ находится; чтобъ она уединенной его шалашъ, яко пребыванїе спокойствїя, не наполняла жалостнымъ стономъ. Сїя дѣвушка оказала на сїе печальную улыбку, и хотѣла у пустынника поцѣловать руку, за приятное его обхожденїе. Онъ тому воспрепятствовалъ и сказалъ ей, изъ сего ничего не произой-

изойдетъ мое чадо; ибо начальникъ нашего чина столько былъ униженъ, что не давалъ красавицѣ цѣловать свою руку.

Потомъ пошелъ пустынникъ въ поварьню, гдѣ у него было много запасено окороковъ, яицъ, муки и масла. Онъ изготовилъ намъ изрядной ужинъ; мы поѣли со вкусомъ, и покоились потомъ до самаго разсвѣта. Дѣвушка спала со мною, и проспали весь свой смертной страхъ, слабость и угрожающую болѣзнь.

На другой день оставили насъ наши провожатые, которыхъ мы за сдѣланную имъ услугу усердно благодарили; равнымъ образомъ и великодушнаго пустынника, которой на дорогу благословилъ насъ безконечнымъ благополучiемъ.

На утро въ осьмомъ часу прибыли мы въ Реймсъ, гдѣ мы

скрылись въ отдаленномъ домѣ, чтобъ жить въ безопасности. И такъ остался я одинъ съ моею любезною, которая мнѣ свои приключенія до самаго заключенія въ темницу чистосердечно открыла.

Поелику я, говорила она, во время вашего отсутствія ни какого не получала отъ васъ извѣстія; то и совершенно почитала себя вами оставленною, И потому строгое положила я намѣреніе сдѣлаться монашенкой, и въ самомъ дѣлѣ по прошествіи искусва постриглась. Между тѣмъ наступало время моего разрѣшенія, которое мнѣ навело страхъ и замѣшательство. Едва не выбросилась я изъ окошка; ибо болѣзнь столь была жестока, что я лишилась всего моего разума. Я открылась одной старухѣ, которая служила въ монастырѣ. Сча-

сши

стливо претерпѣла я болѣзненное разрѣшеніе; а старуха взяла моего робенка, и я не знала совсемъ, въ разсужденіи сего, ея намѣренія. Проклятой ея вымыселъ былъ причиною моего несчастія. Ребенокъ, котораго она бросила въ рѣку, протекающую сквозь монастырь, зацѣпился за одну решетку, и быстротою воды не могъ быть унесенъ. Дѣло сіе вышло наружу, и было о томъ донесено правительству. Потомъ Игуменья осмотрѣла своихъ монашенекъ и ъ числа коихъ я себя исключить не могла. И такъ я была изобличена въ преступленіи, и предана въ руки правосудію. Монашеньки усердно желали мнѣ сего несчастія. Родственники мои употребляли всѣ старанія спасти меня отъ смертной казни, но ничто не помогало къ моему освобожденію; напротивъ того,

 спу-

спустя нѣсколько послѣ того дней, объявили мнѣ смертной приговоръ.

Между тѣмъ писала я часто изъ моей темницы къ вамъ писма, которыя вы можете найти у одной моей приятельницы. Въ оныхъ совершенно я начертала всю мою горесть, которую сердце мое съ излишествомъ на бумагу изливало.

Потомъ обняла она меня и проливала слезы, которыя прервали ея повѣсть; также и я не могъ отъ жестокой чувствительности ни слова сказать. Потомъ она продолжала.

Потомъ повели меня на мѣсто казни, гдѣ собрался народъ, чтобъ видѣть мое поруганіе. Тогда думала я въ себѣ, теперь, невинная, ведутъ тебя на смерть! Ты спѣшишь къ твоему концу, которой тебѣ уготованъ преступленіемъ другаго. Ибо я ни

объ васЪ, яко объ отцѣ, ниже о той злой преступницѣ ничего не объявила. *Насыщенна* моею жизнїю, которую я больше не могла сносить, препоручила себя провидѣнїю, прося притомЪ оное о пощадѣ виновныхЪ. Уже восходила я на печальное зданїе казни, какЪ услышала вашЪ голосЪ, произносящей: милость! Я упала вЪ обморокЪ, и опамятовалась уже вЪ вашихЪ объятїяхЪ.

КакЪ она совсемЪ утолила свою печаль, то совѣтовалЪ я ей ѣхать со мною вЪ ПарижЪ. Хотя она и совершенно была удостовѣрена вЪ чистосердечной моей любви, но стыдЪ препятствовалЪ ей вѣрить, вновь дѣланнымЪ мною обнадеживанїемЪ. И потому сказала она, я только сїе отЪ васЪ прошу, воспоманайте впредь о моемЪ страданїи, и удостоивайте оное ва-

шимЪ

шимъ соболѣзнованіемъ ; кромѣ сего я ничего отъ васъ не прошу, ничего! Ибо я совсѣмъ не ласкаюсь, чтобъ вы меня больше могли любить; когда постыдная смерть, коей меня почитали достойною, сдѣлала меня совсемъ недостойною вашей любви. И такъ повезите меня въ безопасное и уединенное мѣсто, въ которомъ бы я остатокъ жизни моей могла въ тишинѣ препроводить. —— Я на то сказалъ: любезная! къ чему столь смущенныя мысли? Вы довольно знаете мое сердце, для чегожъ хотите оное терзать неосновательными сомнѣніями? Ругательство никогда не помрачаетъ невинности , и не ясноли видно, что вы невинны? Никогда не останусь я неблагодарнымъ за ваши страданія, которыя наложили цѣпи на мое сердце до самаго конца моей жизни,

для

для вашего благосостоянія и купнаго нашего удовольствія.

Предразсужденія ея не можно было истребить; она упорно стояла въ своемъ намѣреніи, чтобъ вновь итти въ монастырь. Я не хотѣлъ быть тираномъ ея сердца, но напротивъ того обнадеживалъ ее, что какъ скоро прибудемъ въ Парижъ, я ей въ томъ подамъ помощь. Она со мною туда поѣхала, и я ей нанялъ тамъ изрядной покой въ предмѣстіи святаго Лаврентія, гдѣ и оставилъ ее на короткое время собственнымъ ея размышленіямъ, а самъ пошелъ въ свою квартиру. Потомъ старался я получить всѣ писмы, которыя она ко мнѣ изъ темницы писала. Послѣднее изъ нихъ, въ которомъ она со мною прощалась, я больше ста разъ прочелъ; и хочу оное включить въ мою повѣсть, чтобъ увѣ-

рить моего читателя о превосходныхъ ея мнѣніяхъ.

Любезнѣйшій!

Изъ мрачной моей темницы посылаю я вамъ мой жребій и слезы мои. Лишно было бы, если бы я къ вашему посрамленію не любила васъ по самую мою смерть. Сдѣсь я заключена, чтобъ получить подтвержденіе въ печальномъ моемъ осужденіи. Тутъ нахожусь я посреди моей судьбы, утѣсняясь отвсюду моими нещастіями. Я позволяю вамъ надъ симъ смѣяться, если вы въ состояніи то сдѣлать; но я думаю, что по крайней мѣрѣ печальное сіе явленіе нѣсколько васъ тронетъ. Знайте, что я скоро изъ рукъ правосудія получу свою смерть, которой уже давно желала. По условію нашему надѣялась я скораго избавленія; но теперь, по-

поелику я живою не спаслася, то смерть должна меня избавить. Подлинно, она меня спасетъ! Но хотите ли вы еще внимать доказательствамъ недостойной моей къ вамъ любви? Имя ваше столь для меня было свято, что я не могла онаго включить въ моей пыткѣ. Спокойствїе ваше и честь остаются еще всегда любезнымъ моимъ предметомъ, которой я не могу посрамить безъ нарушенїя нѣжной моей къ вамъ склонности. Вы меня за то и наградили; но можетъ быть испустите, хотя одну каплю слезъ, которая облегчитъ мою смерть. Да благословитъ васъ небо, и проститъ вамъ ваше легкомыслїе, или вѣроломство, которыя должна я вамъ приписать. Живите на вѣкъ благополучно!

При чтенїи сего письма, столь сильно сердце мое трепе-

тало,

тало печально, что я оное не могъ больше сносить, ибо сїе меня изъ одного забвенїя въ другое ввергало. Съ того времени заклиналъ ее, чтобъ не итти опять въ монастырь. Ахъ! счастливая обладательница моея жизни, повторялъ я всегда, ты хочешь благополучїе мое вмѣстѣ съ собою похитить, и вновь заключить оное въ темницу? Забуду требовать отъ нее и сето благодѣянїя; мнѣ надлежитъ оное обратно получить, ежели я долженъ быть спокоенъ.

Я узналъ, что она въ сїе время сговорилась съ однимъ духовнымъ, къ которому я и пошелъ объ ней освѣдомиться. Къ величайшему моему неудовольствїю, нашелъ я ее въ богодѣльнѣ, гдѣ она прислуживала больнымъ старухамъ. Мнѣ стоило многаго труда съ нею свидѣться. Увидѣвъ меня она испугалась,

галась, и хотѣла опять уйти. Но я ее съ прозьбою отозвалъ въ сторону, какъ бы хотѣлъ ей открыть великую важность. Она слушала мои слова и внимала моимъ вздохамъ, на которые съ благоразумїемъ отвѣтствовала. Она напротивъ того представляла мнѣ мой родъ, свое низкое происхожденїе, минувшее свое несчастїе, и нынѣшную перемѣну ея сердца. Слова ея столь были благоразумны, что я не могъ преодолѣть ею представляемыхъ причинъ. Потомъ оставилъ я сїе намѣренїе, и сдѣлалъ другое награжденїе чувствительному ея сердцу Я опредѣлилъ ей нѣсколько тысячь талеровъ на содержанїе, и искалъ ей удобнаго мѣста, гдѣ бы она могла имѣть уединенную монастырскую жизнь. Я и мой братъ знатное число денегъ на то издержали. По старанїю нашему

была она принята съ отмѣннымъ почтенїемъ въ Кармелитскомъ монастырѣ, и при вступленїи своемъ по вышепомянутымъ причинамъ, перемѣнила свое имя. Тутъ вела она весьма скромную жизнь, какъ дѣвушка сокрывшаяся отъ свѣта и его гоненїй. Изъ блаженныхъ ея устъ часто питался я утѣшенїемъ въ злыхъ моихъ приключенїяхъ, и чувствительныя ея представленїя опять меня ободряли.

По прошествїи нѣкотораго времяни пошелъ я опять въ Германскую службу, и былъ на баталїи, случившейся при Нердлингѣ, спомоществовалъ при взятїи Динкелшпиля, и получилъ чрезъ сїе великую славу. Наконецъ фелдмаршалъ Тюрень взялъ и Ландаву; а потомъ я его проводилъ въ Парижъ, и получилъ Подполковничей чинъ. Однако со-

сосѣдство моей Кармелитской монашенки вновь чувства мои потревожило. Я въ томъ открылся моему брату, которой наконецъ благоразумнымъ своимъ совѣтомъ совершенно изцѣлилъ рану моего сердца. Онъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Польшу, куда Принцесса Марія Гонцаза отправлялася невѣстою Королю Владиславу четвертому. Сіе предложеніе я принялъ, и отъѣзлъ былъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ. При семъ къ стыду моему долженъ я признаться, что я тогда ласкался надеждою, получить случай вступить съ Принцессой на дорогѣ или въ Польшѣ въ любовное обхожденіе. Вотъ какое безуміе можетъ произвесть любовь въ молодомъ человѣкѣ!

Мы прибыли въ Польшу; и Король Владиславъ весьма далеко встретилъ свою супругу. Она сама представила меня Королю,

и я довольно имѣлъ причинъ благодарить ее за одобренїе, которое она въ разсужденїи меня Королю сдѣлала. Лишь только я не много побылъ въ Варшавѣ, то вступилъ я въ новое любовное упражненїе, и нашелъ Польскихъ женщинъ столько же по моему вкусу, какъ и французскихъ Они въ самомъ дѣлѣ имѣютъ отмѣнныя прелести, но по простосердечїю своему, или такъ сказать, имѣя недостатокъ въ французской остротѣ, нѣсколько оныхъ теряютъ. Я влюбился въ одну Польскую дворянскую дочь, вступившую не задолго предъ симъ во услуженїе къ Королевѣ, которая скоро примѣтила любовныя наши обращенїя. Предложенїе моей страсти скоро было принято сею дѣвицею. Вскорѣ потомъ влюбился въ нее и самъ Король; и потому призналась она мнѣ

чисто-

чистосердечно, что она не прежде может меня любить, как мы сочетаемся браком. Сїе было весьма странно моему слуху. Но как я в послѣдствїе подробнѣе узнал расположенїе Польскаго двора, то легко мнѣ было угадать всю онаго причину. Сей дѣвицѣ был назначен женихом один знатной Литовской дворянин, но против чаянїя моего умер он до брака. Послѣ того открыла она Королю, что я ей нравлюсь. Но я отвѣчал его Королевскому Величеству, что мнѣ с лишком много дѣлают чести сим выбором. Притом признался я ему, что я весьма ревнив, и что женѣ моей легко может от того приключиться опасность. На сїе извиненїе Король усмѣхнулся, и сказал, когда нѣт другой причины, препятствующей вам на ней жениться;

ся; то я уже сей трудъ приму на себя, и доставлю вамъ такую должность, которая недопуститъ васъ часто быть при вашей женѣ, и быть свидѣтелемъ ея поведенiй.

И сiе Королевское предложенiе получило отказной отвѣтъ. Я ему чистосердечно признался, что я не намѣренъ навѣкъ оставить францiю, яко мое отечество. И потому просилъ я у него позволенiя, тотчасъ послѣ моей свадьбы ѣхать туда съ своею женою. Того я не позволяю, отвѣчалъ мнѣ Король; а жена ваша не должна выѣжжать изъ Польши, покамѣсть я буду живъ. Я за сiе принесъ ему мою благодарность и просилъ отставки. Король осуждалъ мое безумiе, что я столь мало умѣю пользоваться моимъ счастiемъ; потомъ меня уволилъ.

Я о семъ тайно увѣдомилъ Королевну, которая съ слезами меня заклинала, чтобъ я исполнилъ Королевскую волю.

Казалось, что и она хотѣла ему въ томъ подать помощь; но я легко могъ усмотрѣть ея намѣренія, что онъ при мнѣ не съ такою удобностію можетъ гулять, какъ бы то при другомъ можно было. Чтобъ чувствительнѣе обласкать мою ревность, обѣщала мнѣ королевна, имѣть жену мою всегда при себѣ, и столь прилежно за нею присматривать, чтобъ Король никогда не искалъ случая, быть съ нею на единѣ. Предложеніе сіе мнѣ понравилось и я согласился на бракъ. Король оказывалъ на сіе свое удовольствіе, но больше всѣхъ моя невѣста. Чрезъ сіе намѣреніе мое получило желанное удовольствіе; я безконечно ласкался вѣрностію моей

ей жены, и надѣялся на бдѣніе Королевны. Свадьба скоро совершилась, и я чрезъ сіе получилъ Польское Графство.

Королевна устояла въ своемъ словѣ, и прилежно присматривала за моею женою; такъ что Королю никогда не удавалось дѣлить съ нею своей страсти. И потому она ему сдѣлалась противною, и онъ избралъ себѣ другую особу, которая не столько могла быть примѣчена Королевною. Сія перемѣна произвела во мнѣ великую радость, и тогда-то надѣялся я спокойно наслаждаться выгодами своего супружества. Но открылось противное, и несчастіе мое съ той стороны сдѣлало на меня нападеніе, съ которой я его совсемъ не ожидалъ.

Вмѣстѣ со склонностію Короля къ моей женѣ, окончилась и ея склонность ко мнѣ, и пере-

ре-

ремѣнилась на величайшую ненависть. Въ озлобленіи своемъ дѣлала она мнѣ жестокіе выговоры, что я тому причиною, что она отъ Короля не столько уже почитаема. Я всѣ прилагалъ мѣры увѣрить ее своими представленіями, что она своею развратностію навлечетъ на себя болѣзнь, и будетъ угрызаема совѣстію; но сіи основательныя причины никакого въ ней дѣйствія не произвели. Вскорѣ потомъ нажаловалась она на меня Королю, что я весьма сурово съ нею поступаю; и употребляла притомъ такія жалостныя тѣлодвиженія, которыя Королевскую холодность съ новымъ любовнымъ огнемъ возжгли. Она продолжала свои жалобы и тайно вперила въ его голову мысль, будто бы я имѣлъ тайныя любовныя обращенія съ Королевною. Король повѣривъ ложному сему

доносу, вознамѣрился тайно меня умертвить.

Къ тому сыскалось довольное число людей, предложившихъ Королю свою услугу; ибо я и кромѣ сего, по причинѣ моей женидьбы, много при Польскомъ дворѣ получилъ себѣ враговъ. Королевна будучи чувствительно тронута сей ложною жалобою, разсудила за благо обо всемъ дѣлѣ ничего мнѣ не объявлять. Однако она тайно увѣдомила меня о сей опасности, чрезъ одного вѣрнаго ей человѣка; и я тотчасъ скрылся въ домъ одной вдовы. Король обо мнѣ спросилъ, а Королевна ему отвѣтствовала, что я поѣхалъ въ францію. Она показала ему подложное письмо отъ моего брата, которой будто меня за особенными причинами къ себѣ звалъ. — Изъ холоднаго ея обо мнѣ разговора скоро онъ примѣтилъ, что донесенная ему ме-

жду нами любовь совсемъ не основательна. Потомъ признался онъ своей супругѣ въ своемъ подозрѣнїи, которому причиною дѣланная на меня жалоба, и сказалъ ей притомъ принятое свое намѣренїе тайно меня умертвить. На сїю Королевскую торопливость изъявляла Королевна свою досаду, и его именемъ приказала меня искать, чтобъ я могъ оправдаться.

По всюду меня искали, но всѣ поиски ихъ были тщетны; ибо я имѣлъ безопасное убѣжище у помянутой вдовы, которая была и при дворѣ извѣстна. У ней находился я больше недѣли; и она сдѣлала мнѣ предложенїе, по любви къ моей безопасности, чтобъ отравить жену мою ядомъ. Произведенїе сего въ дѣйство хотѣла она сама на себя принять. Разнесшїйся слухъ о смерти моего брата, распро-

стра-

странился по всему городу, и посредствомъ вдовы дошло и до меня сіе печальное извѣстіе. Я сію вѣдомость почелъ справедливою, и хотѣлъ о томъ говорить съ самою Королевною. Вдова ни подъ какимъ видомъ не хотѣла къ тому допустить, покамѣсть все дѣло между мною и Королевною совершенно не рѣшится. Притомъ угрожала она умертвить меня собственною ея рукою, или предать въ руки моихъ неприятелей, ежели я вздумаю отъ нее уйти. Сей поступокъ сдѣлалъ ее мнѣ столь ненавистною, что я съ насиліемъ отъ нее освободился. Но она въ бѣшенствѣ своемъ схватила кинжалъ, и напала на меня. Я рукою отбился отъ сего удара, и такъ чудно сдѣлалось, что она сама себя тогда же въ шею ранила. Я убѣжалъ, а она упала въ обморокъ. Я напередъ

усма-

усматривалъ тѣ слѣдствія, которыя произойдутъ отъ сего происхожденія. И потому старался избѣгнуть подозрѣнія и мщенія ея слугъ. Я пробѣжалъ двѣ улицы, и скрылся къ одному знакомому мнѣ человѣку. У сего просилъ я безопаснаго прибѣжища, и сказалъ ему съ видомъ довѣренности, что мнѣ надлежитъ ѣхать, чтобъ никто о томъ не зналъ; для того что братъ мой умеръ, и мнѣ должно важныя дѣла исполнить во франціи. Далѣе я его увѣрялъ, что жена моя тому препятствуетъ, не соглашаясь на мой отъѣздъ. Сей честной человѣкъ предложилъ мнѣ свою помощь, осѣдлалъ мнѣ на другой день изрядную лошадь, и я поѣхалъ во Гданскъ. Отписалъ я тотчасъ къ Королевнѣ, и обстоятельно ее увѣдомилъ о моемъ приключеніи.

Коро-

Королевна въ тоже самое время получила мое писмо, когда всякой думалъ, что я хотѣлъ умертвить вдову. Слуги застали ее въ крови, и въ томъ на меня донесли. Но рана ее была безопасна; и она скоро могла являться въ собранїяхъ. Королевна показала мое писмо своему супругу, которой немедля отдалъ приказъ, чтобъ я опять возвратился, чтобъ защищенїемъ своей невинности устыдить жалобщиковъ.

Но не столько справедливость Королевская имѣла участїя въ семъ повелѣнїи, сколько то замѣшательство, которое ему моя жена причинила. Она набила голову его разными ничего незначущими вещьми, которыхъ и сама не зная дѣлала предъ нимъ гнусными. Однако Король желалъ моего возвращенїя, чтобъ опять принять на

себя попеченїе такой развращенной жены. Какъ скоро Королевна ко мнѣ отписала, что разнесшейся слухъ о смерти моего брата былъ ложенъ, и чтобъ я для своего оправданїя опять возвратился въ Варшаву, то съ удовольствїемъ спѣшилъ я приѣдомъ, хотя я ничего другаго въ послѣдствїе кромѣ досадъ не ожидалъ.

Лишь только я прибылъ въ сїю столицу, то по совѣту Королевы добровольно пошелъ въ темницу. Вдова обвинившая меня въ убїйствѣ, будто бы съ великодушїя просила Короля о моемъ освобожденїи. Но я желалъ, чтобъ сїе дѣло было изслѣдвано по ея точности, которое было весьма невинности моей опасна. Сей раздоръ истолковали единственною ссорою между двумя влюбившимися; и я получилъ прощенїе, которое не

столь-

столько мнѣ было драгоцѣнно, сколько моя невинность. Король притомъ еще мнѣ совѣтовалъ, чтобъ я поблагодарилъ за то вдову; но я сїе по справедливому намѣренїю забылъ.

Сїе приключенїе сдѣлало, что почтенїе, въ которомъ до сего времени находилась сїя вдова, весьма уменьшилось. Ибо въ Польшѣ не скоро извиняютъ столь великїя любовныя бредни, которые многимъ числомъ людей были изобличены. И потому не находила она другаго средства къ возвращенїю своей чести и почтенїя, какъ только ежели выйдетъ за меня. Сїе произвело во мнѣ великое сомнѣнїе, что жена моя, умерши скоропостижно, спустя два мѣсяца по моемъ прїѣздѣ, отъ нее была отравлена ядомъ.

Жена моя не задолго предъ симъ произвела на свѣтъ вдругъ двой-

двойни сына и дочь. Но смерть ее упредила я узналъ, нежели о ее болѣзни. Ибо мы не наблюдали ни какаго хозяйства; потому что ни кто изъ нась не имѣлъ о другхъ хорошихъ мнѣнїи. Однако я сожалѣлъ о ее смерти, и къ увѣренїю въ добромъ моемъ сердцѣ старался я съ доброй стороны ее описывать.

Послѣ смерти моей жены предложилъ мнѣ король, чтобъ я, для сохраненїя чести той вдовы на ней женился. Я просилъ у него позволенїя нѣсколько времени о томъ подумать. И покамѣстъ пройдутъ первые дни печали послѣ моей жены Сею отсрочкою избѣгнулъ я брака съ такою женою, которая при старости и своемъ безобразїи имѣла негодное сердце. Передъ отъѣздомъ моимъ просилъ я Королевну

ну, принять на себя попеченіе о моихъ дѣтяхъ, и стараться о сохраненіи доставшагося имъ отъ матери ихъ наслѣдства. Она приняла мою прозьбу Между тѣмъ взявъ съ собою вексель въ двадцать тысечь талеровъ, направилъ свой путь въ Венецію, чтобъ тамъ по прошествіи великаго поста, наслаждаться веселостями.

Сіе удовольствіе неизбѣгнуло завистниковъ; потому что я нигдѣ любовнаго своего лакомства не оставлялъ Коварство Вениціанскихъ женщинъ превосходитъ французскихъ. Одна знатная госпожа, съ которой я свелъ тѣсное знакомство, одолжила меня украшеніемъ принадлежащимъ къ маскараду, который стоилъ двенатцать тысячь талеровъ. На сіе угожденіе имѣло подлый предметъ. Ночью, какъ я домой возвращался, ограбилъ меня ея братъ, при помощи сво-

ихъ приятелей; и я принужденъ былъ заплатить за помянутое украшеніе. Наконецъ сыскался удобной случай ко мщенію; я среди дня на улице изловилъ въ Венецїи сея брата, котораго мнѣ показалъ одинъ мой приятель; Я напалъ на него съ обнаженною шпагою и такъ сильно его ранилъ, что онъ отъ перваго удара упалъ на землю и вертѣлся какъ червь въ своей крови. Потомъ немедленно сѣлъ я съ моими слугами въ шлюпку и спѣшилъ на купеческой корабль, котораго благополучно и достигъ.

На ономъ прибылъ я въ Анколу, и намѣренъ былъ отъ туда ѣхать въ Неаполь. Отъ Дюка де Газа, управляющаго симъ городомъ, думалъ я получить мое счастїе. По прибытїи моемъ туда былъ уже онъ засаженъ въ тѣмницѣ; и Неаполи-

 ское

ское его правленіе достигло уже несчастной своей цѣли. Здѣсь также навели на меня опасность женскія сѣти, такъ что едва не лишился я своей вольности. Хотя я имѣлъ на себѣ Ишпанское платье, однако меня признали, и засадили подъ стражу. Не много недоставало, чтобъ я несдѣлался галерымъ невольникомъ; однако я бегствомъ спасся отъ темницы. Лишь только вырвался я на волю, то спѣшилъ изъ Италіи во францію, и находился тамъ нѣсколько дней при войскѣ. Я былъ также и на сраженіи, случившемся тогда при Ленсѣ, не будучи узнанъ моимъ братомъ. При сей битвѣ доказалъ я ясной опытъ моей храбрости, и получилъ въ награжденіе изрядной корпусъ. Я стыдился бѣгства, и жестокаго кровопролитія избѣгалъ. И потому исходатайствовалъ мнѣ Принцъ

Кон-

Конде полкЪ. Радость, изЪявленная моимЪ братомЪ, когда я послѣ сраженія пришелЪ вЪ его палатку, была неизрѣченна. ВЪ скорѣ потомЪ отняли мы у Ишпанцов крѣпость Цаснуе, вЪ завладѣніи коей и я имѣлЪ великое участіе. По окончаніи похода возвратился я во францію, и посѣщалЪ тамЪ часто достойную мою Кармелитскую монашенку, сЪ которой обращался сЪ пристойною откровенностію. Она удивлялась моему жребію, утѣшала меня, и желала отЪ неба, чтобЪ я наконецЪ послѣ толикихЪ трудностей могЪ успокоиться.

Нѣжно сЪ нею простясь поднялся я опять во францію; ибо Ишпанцы со французами еще не заключили мира. БратЪ мой и я возвратились опять сЪ побѣдою! но лавру мою повредила враждебная судьба, противЪ чаянія

нія моего по возвращеніи моемъ во францію.

Вскорѣ потомъ овдовѣвшая французская Королевна, яко правительница въ малолѣтствѣ наслѣдника, вѣлела заключить въ темница Принца Конде, брата его Конти и яще другихъ анатныхъ своего двора. Мой братъ и я пользовались благосклонностію сего Принца; и потому навлѣкли на себя ненависть Королевы и Кардинала Медирина. Посему опасались мы подобнаго несчастія; и такъ братъ мой, находившійся на границѣ государства, совѣтовалъ мнѣ ѣхать обратно въ Польшу; по тому что Король Владиславъ умеръ, и вступилъ на престолъ братъ его Иванъ Казимиръ, которой и женился на овдовѣвшей Королевнѣ. Поелику и кромѣ сего должность моя требовала, извѣститься о моихъ дѣтяхъ и домаш-

машнемъ хозяйствѣ, то и принялъ я его совѣтъ. Я отправился въ путь; твердое принявъ намѣренiе никогда не предаваться обольщенiю женщинъ; но оное скоро было опровергнуто силой моей страсти

Прибывъ въ Гейделбергъ, засталъ я при Курфирстскомъ дворѣ одну францускую девицу, на десятомъ году ея возраста прибыла она туда изъ Францiи съ одною госпожею, которая ее какъ дочь воспитала. О незаконномъ ее рожденiи не могъ я узнать, поелику она себя называла дочерью одной принцесы, то и называли ее Авантурiеръ, которое названiе тѣмъ лучше ей приличествуетъ, что жизнь ея была наполнена многими чудесными приключенiями. Изрядно расположенное тѣло и проницательной разумъ были главными преимуществами, съ добродѣтелью

не сводила она короткаго знакомства; и ни что небыло ей столь приятно слушать, какъ любовныя разговоры.

Я находился двѣ нѣдѣли при семъ дворѣ; и мнѣ посчастливилось скоро съ нею познакомиться. Она говорила мнѣ, что въ Польше ожидаетъ ее особенное благополучїе; и потому просила меня быть ея провожатымъ. Поелику она выхваляла многїе во мнѣ преимущества; то едва притворнымъ чистосердечїемъ меня не обольстила. Я старался узнать о ея любовникѣ, и провѣдалъ, что то былъ одинъ высокорослой нѣмецъ. Въ семъ хотѣлъ я возбудить ревность, чтобъ онъ освободилъ меня отъ своей любовницы. Однако онъ не появлялся Потомъ увѣдомилъ я супругу Курфирстра о намѣренїи францyженки, и просилъ, чтобъ она за нею присматри-

ривала, дабы она ушедъ тайно за мною не поспѣшила

Наконецъ наступило время, въ которое я отправился изъ Гейделберга. Не было еще часа, какъ я изъ онаго выѣхалъ, увидѣлъ я двухъ верхами нагоняющихъ насъ особъ. Я узналъ въ мужескомъ платье госпожу Авантурїеръ съ ея Нѣмцомъ. Съ удивленїемъ смотрѣлъ я на сїю дѣвушку, и спросилъ о намѣренїи ея товарища.

Нѣмѣцъ отвѣтствовалъ, благодаря съ нискимъ поклономъ за честь, которую ему его свѣтлость сдѣлалъ, назначивъ невѣстою сїю Принцессу мою сестру. Я при сей приписанной мнѣ честь улыбнулся, и тотчасъ примѣтилъ, что въ ономъ сокрытъ какой нибудь обманъ, коимъ одурачили сего великорослаго но глупаго нѣмца.

Когда я его хотѣлъ вывѣсти изъ заблужденія, въ которое ввѣла его любезная, то надлежало мнѣ сказать ему правду, что я не Принцъ, ниже братъ дѣвицы Авватурiеръ. —— Съ досадою обратился онъ назадъ въ Гейхделбергъ, но любезная его осталась при мнѣ, и упорнѣе прежняго стояла въ своемъ желаніи ѣхать въ Польшу. Я ей и въ другой разъ въ томъ отказалъ, и сказывалъ ей что всему двору о семъ безумiи разскажу.

Мои угрозы ни малѣйшаго въ ней не произвели дѣйствія; но она просила меня со слезами, чтобъ подать ей помощь къ достиженію Польши. Тронутъ ея слезами не хотѣлъ больше отказывать ее прозьбѣ; но позволилъ ей ѣхать со мною. Изъ сего можно усмотрѣть когда безумiе женщинъ бываетъ велико, то мущины еще безумѣе дѣлаются.

Вскорѣ потомъ увидѣлъ я ѣдущихъ за нами въ погоню Курфирстскихъ служителей и съ ними нѣсколько рейтаровъ. Они отняли у меня сїю дѣвушку, и сказали мнѣ притомъ, что Курфирстъ приказалъ мнѣ къ нему возвратиться, и оправдаться для чего я ее увезъ. Я тотчасъ возвратился съ ними въ Гейдельбергъ. Никто какъ тотъ Нѣмецъ меня въ томъ обвинялъ; ибо я потомъ узналъ отъ самаго Курфирста. Онъ нашелъ меня правымъ, и отпустилъ меня благосклонно и учтиво

Доѣхавши до Польскихъ границъ впалъ я въ опасную болѣзнь, которая шесть недѣль препятствовала мнѣ ѣхать въ Варшаву. Второбрачная Королевна приняла меня милостиво. Однако я весьма удивлялся, когда прибывъ туда, было мнѣ сказано, что нѣкоторая дѣвица

весьма чувствительно на меня жаловалась что я обѣщавшись на ней жениться ее въ томъ обманулъ. Ее притомъ не было, но по описанїю сдѣланному мнѣ Королевною о сей особѣ, догадывался я что то былъ безъ сомнѣнія госпожа Авантурїеръ. Мнѣніи мои не были ложны; ибо я узналъ что она бѣжала отъ фольскаго двора и за двѣ недѣли до моего прибытія въ Варшаву, туда приѣхала. И такъ послѣ сего разсказалъ я о семъ происхожденїи Королевнѣ, которая смѣялась глупости сей дѣвушки. Удивленїе мое усугубилось, когда я узналъ, что самъ Король въ нее былъ влюбленъ. Я при семъ вздумалъ что слова ее о ожидающемъ ее въ Польшѣ благополучїи не были ложны.

За такія разсѣянныя рѣчи, которые безвинноя мое сердце, чувствительно тронули, сдѣ-

хал ъ я ей изрядной выговоръ; но она отвѣчала на сїе съ усмѣшкою; женщинѣ надлежитъ что нибудь сказать къ своему оправданїю.

Тутъ уже хотѣла она сдѣлать меня своимъ съ Королемъ посредникомъ, и такимъ человѣкомъ чрезъ котораго бъ такое имъ свиданїе никому не было подозрительно. Сю должность, которая многихъ сдѣлала знатными особами, не хотѣлъ я на себя принять и безъ дальняго размышленїя въ томъ отказалъ Королю. Сїе безъ сомнѣнїя прекратило его ко мнѣ милость; и такъ я чтобъ не нарушить моей обязанности къ Королевнѣ, и отрещись отъ званїя столь гнуснаго любимца, разсудилъ за благо, взять отъ сего двора отставку.

Въ семъ намѣренїи поѣхалъ я въ *Баїонну*, увѣдомилъ о томъ

Прин-

Принца Конде, и спрашивалЪ у нево повелѣнія, куда обратиться. Но поелику сей ПринцЪ не весьма былЪ поступками моими доволенЪ, то написалЪ онЪ ко мнѣ строгое письмо вЪ которомЪ дѣлалЪ мнѣ выговоры, за мою развратность. По совѣту его возвратился я опять вЪ ПарижЪ, положа твердое намѣреніе сдѣлаться пустынникомЪ, Кармелитская моя монашенка, у коей я о семЪ требовалЪ совѣта, отговаривала меня отЪ того; ибо я еще не имѣлЪ тритцати лѣтЪ. Но поелику я упорно вЪ моемЪ намѣреніи, стоялЪ то совѣтовала она мнѣ испытать мѣсяцЪ уединенную вЪ монастырѣ жизнь. Я вЪ самомЪ дѣлѣ пошелЪ вЪ монастырь; но не могЪ стерпѣть тамЪ мѣсяца; потому что я долженЪ былЪ тамЪ отрещись отЪ такой вещи, которая важнѣйшую часть жизни моей

моей составляетъ. Въ послѣдствіе происходило опять въ жизни моей непрерывная связь любовныхъ шалостей.

Я опять въ Парижѣ женился, но и не упускалъ притомъ своей развратности. За сіе меня небо и наказало такою женою, которая не токмо жестоко въ карты играла, но и съ другими женщинами имѣла откровенное знакомство. Я съ моей стороны также помогалъ ей, кромѣ жены любилъ еще другихъ дѣвушекъ. Я вдавался во многіе поединки, которые я щастливо всегда отправлялъ. Бывалъ также еще на многихъ сраженіяхъ, но я не могъ получить больше Полковничьяго чина; на противъ того братъ мой уже за нѣсколько лѣтъ былъ Генералъ, и правителемъ славной крѣпости. Поелику я не искалъ благосклонности

знат-

знатныхъ особъ, рѣдко свидѣтельствовалъ имъ свое почтенїе, и вмѣсто того лучше посѣщалъ женщинъ; то долженъ былъ я довольствоваться тѣмъ лѣтомъ, которое мнѣ было противною моей судьбою опредѣлѣно.

Поелику во Франціи не почитали меня достойнымъ вышшаго чина, отправился наконецъ въ третей и послѣдней разъ въ Польшу, гдѣ я тотчасъ Генераломъ вмѣстѣ съ Генераломъ же Гарнеки предводительствовалъ войскомъ въ Украйнѣ противъ Казаковъ. Притомъ имѣлъ я удовольствїе видѣть своихъ дѣтей которыя уже были изряднаго возраста, Также свѣлъ я любовныя откровенности съ госпожею Авантирїеръ Гей делберской. Она получила мужемъ одного знатнаго Генерала, и была въ великомъ при дворѣ почтенїи.

шенїи. Но она мнѣ также подиграла такую штуку, за которую ее въ послѣдствїе простить не могъ. Она познакомила дочь мою весьма коротко съ Королемъ, когда уже онъ не чувствовалъ къ ней больше желанїя.

Сїе было родительскому моему сердцу чувствительнымъ наказанїемъ, которая въ глазахъ многихъ ровныхъ мнѣ кажется лѣстнымъ награжденїемъ.

Чрезъ сїе навлѣкла на себя моя дочь ненависть и гнѣвъ ревнивой Королевны. Ежели она хотѣла съ нею помириться, то долженствовала она по ее приказанїю итти въ монастырь. Ей трудно было на то рѣшиться, но во время даннаго ей на размышленїя срока умерла Коровна, а Король принялъ намѣренїе на моей дочери жениться, но онъ вскорѣ потомъ перемѣ-

нилъ свое намѣренїе ; сложилъ съ себя корону, и поѣхалъ во францїю, чтобъ тамъ въ тишинѣ и спокойствїи препдоводить остатокъ дней свойхъ. Дочь моя занимавшаяся радостными мыслями , быть Королевскою женою , отъ внезапной сей перемѣны впала въ болѣзнь и умерла на двапцать второмъ году своего возраста. Сїя печальная смерть желала имѣть сотоварища въ вѣчность. Сынъ мой безутѣшенъ отъ потери своей сестры , послѣдовалъ за нею, умерши вскорѣ послѣ ее подъ бременемъ своихъ печалей. Король желалъ чтобъ я за нимъ нимъ послѣдовалъ во франпїю ; но я къ тому не имѣлъ охоты, и вознамѣрился ожидать конца своей судьбы въ томъ печальномъ мѣстѣ , въ которомъ собраны вкупѣ мои дѣти.

Но предпріятіе сіе разрушено было новыми обстоятельствами Я опять поѣхалъ въ свое отечество, въ тякое время, когда Франція съ различными государствами имѣла кровопролитную войну. Я вновь пожертвовалъ жизнію своею за отечество, помогалъ прогонять непріятелей, брать города; и также какъ и другіе воины имѣлъ участіе въ лаврахъ. Но если однажды оставитъ насъ благосклонная судьба, то дѣлаемся мы несчастными ее невольниками. Мы тщетно ищемъ Величества, и когда онаго достигаемъ, то самая сія знатность дѣлается намъ опаснѣйшимъ камнемъ, объ которой величайшіе мужи уже ударялись. Въ семъ несчастномъ теченіи времени, въ которомъ я печалился о смерти моихъ дѣтей, гнушался любовныхъ развратностей, и проклиналъ

свою судьбу, достигъ я шестидесяти лѣтъ. Теперь жизнь моя мнѣ въ тягость; и я больше не могу оной сносить. Небо помилосердуй меня! я нѣчто предпринимаю, къ чему не сзываю къ себѣ моихъ читателей. Ни что больше меня не спасетъ, ни что! Слуга пришелъ, пистолеты заряжены. Ему о томъ не извѣстно; но я то знаю. Свѣтъ оставайся благополученъ. —

И такъ умеръ Шарлевильской Кавалеръ, препроводя жизнь свою въ несчастіи; я желаю ему быть счастливѣе въ царствѣ мертвыхъ.

73

